

РАЗДЕЛ III. Проблема жанра в современном литературоведении

ББК 83.3 (2)

УДК 83.3 (2=411.2)5

И. Ф. Герасимова¹

Рязанский филиал

*Московского государственного института культуры
gif221255@yandex.ru*

ЛЮБОВНАЯ ЛИРИКА В РУССКОЙ ПОЭЗИИ ПЕРИОДА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ²

В статье рассматривается любовная лирика периода Первой мировой войны, принадлежащая как известным в свое время авторам, так и представителям массовой военной поэзии. Показано жанровое многообразие произведений, среди которых стихотворные зарисовки, внутренний монолог лирического героя, поэтическое послание и др. Отмечается, что при использовании авторами многочисленных модификаций основной жанровой структуры любовной лирики означенного периода является лирический дневник. В нем запечатлены как перипетии личных отношений лирического героя/лирической героини, так и социально-политические, исторические реалии трагического и героического времени, о чем свидетельствует фактологическая основа произведений. Отсюда и особенности воплощения в них женского образа – возлюбленной, жены, матери, на что в статье обращено особое внимание. Установлено, что в стихотворениях как поэтов, так и поэтесс женский образ психологически точен, сопряжен с мифопоэтической и литературной традицией. Русская женщина явлена в абсолютном большинстве лирических стихотворений как спасительница, охранительница мужчины-воина. Ее верность и преданность, способны противостоять самой смерти. При всех видимых различиях, образ

¹ Герасимова Ирина Федоровна, доктор филологических наук, профессор кафедры социально-культурной деятельности, Рязанский филиал Московского государственного института культуры, г. Рязань, Россия

² Работа была представлена на 77-й Международной научно-технической конференции «Актуальные проблемы современной науки, техники и образования», посвященной 90-летию г. Магнитогорска, 85-летию ФГБОУ ВО «МГТУ им. Г.И. Носова» (Магнитогорск, 22-26 апреля 2019 г.)

И. Ф. Герасимова

возлюбленной/жены/матери имеет общие черты: отражает ментальность автора, самоценен, может быть рассмотрен как неотъемлемая часть образа мужества, образа Родины и как воплощенная жизненная ценность, ассоциирующаяся с миром и счастьем, которую необходимо защищать даже ценой жизни. Архетипы дом (семья), женщина, любовь сопряжены с образом войны/смерти/хаоса, что позволяет сделать вывод о том, что любовь в анализируемых произведениях представлена как чувство оборонное.

Ключевые слова: лирический герой, архетип, ментальность, национальный характер, духовная общность, мифопоэтические реминисценции.

Известно, что тема любви на протяжении многих веков существования русской литературы неотъемлемым образом связана с военной темой – достаточно вспомнить Ярославну из «Слова о полку Игореве», княгиню Евпраксию из «Повести о разорении Батыем Рязани», женские образы «Задонщины», «Певца во стане русских воинов» В. А. Жуковского, «Романса» П. А. Вяземского и многие другие. Стихотворения периода Первой мировой войны также свидетельствует о том, что любимая и любящая женщина – персонаж многочисленных произведений батальной, госпитальной и др. лирики. Однако в данной статье мы сосредоточим внимание на любовной лирике, принадлежащей перу не известных поэтов начала XX в., а представителей массовой народной поэзии – тех многочисленных и забытых ныне авторов, в произведениях которых образ возлюбленной, наравне с образом воина, занимает важное место.

Лирический герой *стихотворной зарисовки* боевого офицера князя Ф. Касаткина-Ростовского «Встреча» [10, 12] – раненый и «уставший в бою» воин – вначале признается, что на полях сражений «любви и страсти выше к Родине любовь». Мужское начало защитника доминирует в нем, он убежден, что его обязанность – внушать женщине «силу духа, радость веры юной, молодой», уверяя в том, что «биться он за край родимый будет до конца». Однако в финале произведения признает, что нуждается в возлюбленной: «Залечи скорей мне раны – я уйду назад!». Здесь ее образ явлен в традиционной русской мифопоэтической и литературной традиции, сопряженной, кроме того, с Богородичным началом – с образом спасительницы, врачевательницы, покровительницы, охранительницы.

И. Мукосеев – автор стихотворения «Разлука» – вспоминает «последний миг» прощания с возлюбленной, сохранив в памяти

дорогие для него детали: и ее скромность при свидании «вчера»; и то, как «сегодня» застал спящей; и тихие рыдания обоих в момент прощания. Главное же в том, что он получил своего рода охранную грамоту: «Теперь легко, отрадно мне: / И за меня перед иконой / Молиться будут в тишине» [15, 343]. Фактографически точный образ возлюбленной ассоциируется у героя стихотворения со сверхъестественной силой, способной охранить его от беды на ратном поле. То есть та же мифопоэтическая и литературная традиция пересекается с литургической, и женский образ обретает Богородичные черты, неслучайно в ткань стихотворения вплетено упоминание о спасительной для воина женской молитве.

Следует заметить, что наиболее частотным жанровым образованием, в котором рисуется образ возлюбленной защитника Отечества, является *поэтическое послание*.

Так, автор, выступивший под инициалами П. А. В., в стихотворении «Письмо» [18, 129] повествует возлюбленной о ее присутствии на поле боя и благотворном воздействии на дух воина:

В разгаре битв, в безумья час
Твои ласкающие речи
Звучали мне, как неба глас;
Они ковали крепость воли,
Вдыхали радость и покой...

И, будучи раненым, он отдает себя в руки Господа и своей возлюбленной, веря в Божественный промысел и силу чувств любимой: «Как был бы счастлив, если б мог / Я верить пламенно и свято, / Что думой обо мне объята/ И ты!.. / Я буду лишь с волнением ждать / Письма от вас... дай Бог его дожждаться!».

В диптихе В. Опочинина «Под светлый праздник» [16, 14 (98)], имеющем подзаголовок «Два письма», рассказывается история любви двух молодых людей, разлученных войной. В основе первого *стихотворного послания* – «Он» – воспоминания о трогательном объяснении в любви, произошедшем «в Святую ночь»:

Всех слов любви, всех страстных снов
Я не поведал, дорогая,
Твой детский мир оберегая...
Казался мне так странно нов
Наш общий путь... я будто в сказке
Тебя хранил, как ценный дар, –
И разразившийся удар
Спугнул нам первые же ласки...

И. Ф. Герасимова

В ответном «письме», озаглавленном «Она», повествуется о взрослении девушки, которая в разлуке осознает силу войны, разрушения и свою собственную, способную противостоять им, пробужденную созидательной силой истинной любви: «Когда ко мне вернешся ты, / Мне прежней дружбы станет мало... / Святая ночь подходит вновь, – / Я за тебя молиться буду... / Пойми, что детскую причуду / Сменила женщины любовь».

Попытка охарактеризовать особенности женской любви предпринята в стихотворении В. Рудич «Мой старый друг! С какой усмешкой злою...» [19, 8 (236)]. Поэтесса полностью соглашается с классиками в том, что «любви все возрасты покорны», и, опровергая мужской упрек в нелепости любви «на склоне лет», показывает оттенки женского чувства, характеризуя его уже не как «безумье львицы пленной», но выпестованный женской «гордостью и честью», «силой духа, вечной и живой» 19, 8 (236)], материнский инстинкт по отношению к возлюбленному.

Стихотворная зарисовка В. Жуковского «Он пишет» [9, 73] написана в форме *монолога* женщины, получившей письмо с передовых позиций. Душевное потрясение героини от того, что ее муж жив, и рассказ о событиях, сопровождающих чтение письма с фронта, на первый взгляд, составляют содержание произведения. Однако незамысловатая фактографическая основа стихотворения позволяет выявить его основную особенность – психологически точный «портрет» супружеской пары. *Он* ничего не пишет о себе – «все к подвигам порыв», «о детях» и жене «вопросы и заботы / И в каждой мелочи знакомой ласки свет»; при этом мужчина явлен солдатом, выполняющим свою обязанность по сохранению военной тайны («Куда пойдут войска, не пишет: строг запрет»). Подчеркнуто и идеологическое «здоровье» русского воина: он убежден, что «с австрийцами расчеты / Почти закончены...», – что, кстати, было закономерным вследствие побед русской армии на Восточном фронте: спустя два дня после опубликования стихотворения русские войска заняли город Пшемысль, расположенный на северо-востоке Австро-Венгерской империи.

Она, сократив уроки детей, читает долгожданную весточку от мужа и отца «всей семье», «волнение жены и матери смирив», а потом долго молится у икон. И оба черпают друг в друге силы в тяжелое военное время.

В этом произведении значим архетип *дома (семьи)*, который характерен для русской фольклорной и литературной традиции. Кроме того, здесь тот же архетип расширяется до масштаба всей страны,

поскольку автор четко проводит мысль о спаянности тыла и фронта, являющейся залогом будущего *мира*, являя традиционный символ «согласия, отсутствия разногласий, вражды или ссоры» [21, 275].

Сопряжение фактографической, архетипической и символической основ ярко проявляется и в стихотворении Геммы «Жатва» [7, 7 (243)]. Здесь интересен полисимволический образ *жатвы*, восходящий к Ветхому и Новому Завету. В значении кары Божией (Ис. 17:1-5; Иер. 51:33), смерти (Мар. 4), конца мира (Мф. 13:39), когда отделятся «зерна от плевел» (то есть праведники от грешников (Мф. 13:24-30, 36-43)) и совершится суд Божий, он соотнесен с образом войны, которая в стихотворении предстает пейзажной зарисовкой: «Солнце красного горящее ядро / Рушит землю лаской распаленной», «зноен вздох измученной земли».

Образ *жатвы* в значении *справедливого суда Божьего* (Откр. 14:14-19; Иоил 3: 12; Иоил 3:13), воздающего за добродетели каждому человеку (Мф. 13:24-30, 36-43), сопряжен с мотивом единения тыла и фронта и образом русской крестьянки – героини стихотворения. Она, убирающая хлеб, «ибо жатва созрела», своим трудом как бы иллюстрирует и русскую поговорку «на Бога надейся, а сам не плошай»:

Истомились в лютом зное жницы,
Изломало их – спины не разогнуть,
Словно алый мак, пылающие лица,
Но серпы, звеня, свой продолжают путь.
И кипит-горит тяжелая работа,
И серпов сверкающих не счесть...
Пала на сердце едина забота –
Другу милому послать скорее весть,
Чтоб в боях он был надежен и спокоен
И в душе его не мучил тяжкий гнет:
Хоть одна жена, да в поле воин,
За двоих хозяйство все ведет!

Заметим, что в стихотворениях о любви в массовой военной поэзии архетипы *дома (семьи)* нередко самым тесным образом связаны с нравственно-философскими размышлениями автора, реализованными, например, в такой жанровой модификации, как *внутренний монолог* лирического героя. Так, Н. Вильде в стихотворении «Думы» обозначает двойственность сознания человека: «...Есть венчанье с печалью похорон, / Есть чувства верные без клятв, без обещанья / И страсти пылкие, обманные, как сон. / Без слов есть надобность, молитвы есть без веры, / Есть лед

И. Ф. Герасимова

безгрешности и жаркий вопль в грехах, / Есть непроданная привязанность гетеры / И яд продажности на девственных устах» [3, 377].

Многие авторы, как, например, Н. Вильде («Вторая» [1, 7 (211)], «Вуаль» [2, 11 (231)]), Г. Лагонин («Сходство» [14, 11 (311)]), решая вопрос о природе любви, приходят к выводу о том, что она есть чувство изменяющееся, но непреходящее: «И тот, кто вылечен, – с остатком разрушенья / Он в глубине таит ее недуг» [1, 7 (211)], – пишет Н. Вильде.

Г. Лагонин, в стихотворении «Два взора» так же подчеркивает двойственную природу любви, сопрягая в образе возлюбленной «прозрачную глубину» и «бешеное море / С его опасной глубиной»; хранительницу «неведомых тайн», и «грозу разрушенного счастья, / И сытость страшным торжеством» [13, 11 (343)].

Размышления о быстротечности земного существования и любовного чувства составляют основу стихотворения Ф. Касаткина-Ростовского «У камина» [11, 345]. Лирический герой, подчеркивая значение любви, призывает души всех «тайно-влюбленных» беречь мгновения душевной близости, «а не то радость счастья у нас / Как камин, догорев, охладет». Здесь исповедальный характер *внутреннего монолога, спрягаясь с поэтическим посланием*, обретают черты агитационной поэзии, подчеркивающий в этом *стихотворении-призыве* стратегическое значение любви для того, чтобы одержать в том числе и духовную победу над противоестественным для человека чувством потерянности и разобщенности в трагическое и антигуманное военное время.

Поэт Гемма не боится признаться в трепетности своих чувств, подчиненности возлюбленной: «Мой демон строптивый покорно утих... / Живу Вашим сердцем и Вашим умом». Он считает любовь естественным состоянием человека, требующим внимания, заботы и защиты: «Любовь моя к вам – словно лепет ребенка невнятный...» [5, 10 (358)].

Вера в то, что оставшаяся в тылу девушка будет помнить своего суженого, высказана в стихотворении «Песня» [8, 10] тем же автором – Геммой. Женский образ ассоциируется у поэта с природой родного края и звонкой девичьей песней – «вольным детищем русской души», в которых заключена «сила, вспоенная грудью земли», воспринимаемые их защитником как своего рода охранная грамота.

Однако образ возлюбленной в лирических стихотворениях многочисленных авторов периода Первой мировой войны не является одноплановым.

Так, в сонете Н. Вильде «Письма» рассказывается незатейливая житейская история о «возвышенном» чувстве, испытанном героем и героиней, когда в письмах она звала его «своим поэтом», а он («ее “теплом”, “любовью”, “светом”»). Однако встреча мужчины и женщины дала им возможность понять, что ни умение « пленительно сказать », ни совместные усилия напрячь «мысль, слова, желанья, взоры» не в состоянии сблизить «разные души». Финальный терцет – итог отношений, в которых иллюзия любви затмила искренность чувства: «Как были немы наши разговоры... / Как письма были хороши!» [4, титульная страница (97)].

Нередко в стихотворениях вкрадывается мысль о необходимости для женщины в военное время осмыслить не только наличие любовного чувства, но и ее ответственность перед любимым. Именно это является содержанием проникнутого агитационным пафосом стихотворения Геммы «Вопрос». Автор считает, что во время военной непогоды со стороны русской женщины неуместны страх и стремление спрятаться «в горе подушек и шелках». В надежде быть услышанным ею и в стремлении образумить еще не осознавшую серьезность момента влюбленную женщину он в *стихотворном послании* вопрошает: «Иль снесший столько селений, пашен, / Циклон войны тебе не страшен, / Иль он душе твоей далек?» [6, 89].

В стихотворении «Летела ласточка красиво...» П. Козлов рисует иной женский тип: расчетливой, холодной, «роковой» особы, озабоченной лишь собственным наслаждением: «Стремясь к цели, без волненья / Она снует; ей жертв не жаль; / Красивой пташки назначенье: / Пленять, губить и рваться в даль» [12, 8 (108)].

Забывший ныне автор А. Санковский в своем произведении «Перед зарей» [20, 728] и вовсе отрицает необходимость любви между мужчиной и женщиной в военное время, считая свою собственную «ничтожной» «в грозе всемирной непогоды», а «преlestные любимые черты», «стыдливость нежную» и «робкое волненье, / Порывы страстные стремительной мечты» своей возлюбленной – «неуместными», «сплошным преступленьем». По мнению автора, оправдана лишь «великая любовь» к Родине и свободе.

О невозможности принять неискренность в любви, простить измену и призывом с достоинством принять угасание взаимного чувства пронизано *стихотворное послание* В. Опочинина «Актрисе»: «То ты рыдаешь, то хохочешь, / Но отеканен речи слог... / В прощальный миг ужель еще / Нужны мои аплодисменты?... / Не плач, не плачь, а лучше смой / На веках глаз остатки грима» [17, титульная страница (413)].

И. Ф. Герасимова

Однако образ женщины-вамп и противопоставление любви к женщине и любви к Отчизне, как было показано выше, не характерны для массовой военной поэзии периода Первой мировой войны.

Таким образом, следует заметить, что отличительными особенностями любовной лирики означенного периода являются следующие.

В ней неразрывно спаяны основные приметы трагического времени – «Любовь и Смерть. Смерть и Любовь» (В. Брюсов, «Баллада. О любви и смерти»).

Образы лирического героя и лирической героини свидетельствуют о проявлении в них национальной культурной парадигмы. Так, образ лирической героини-возлюбленной явлен сквозь призму восприятия лирическим героем. Он видит в любимой женщине источник жизненных сил и вдохновения, благоговействует перед ней, полон решимости ее защищать. Она неотъемлемая часть его самого, именно поэтому столь естественно присутствие единственной для героя/лирического героя/автора женщины на поле боя, что позволяет мирочувствованию мужчины раздвигать границы конкретного культурно-исторического периода и обращаться к земному бытию в целом.

Возлюбленная, в соответствии с русской мифопоэтической и литературной традицией, зачастую является воплощением спасительницы и охранительницы русского воина. В таких женских образах сильно Богородичное начало.

Образ возлюбленной многогранен: он самодостаточен и в то же время может быть воспринят как составная часть образа мужества и образа Родины, столь популярных в лирике, в том числе и любовной, характерной для военных периодов русской истории.

Неслучайно архетипы *дом* (семья), *женщина*, *любовь* соседствуют с образами войны как одного из символов разрушения, хаоса, одновременно противостоя им, что позволяет сделать вывод о том, что любовь в стихотворениях является чувством оборонным.

Отсюда и жанровые особенности любовной лирики: при возможных модификациях основу жанровой структуры произведений поэтов составляет лирический дневник, отражающий реалии человеческого микро- и макрокосма в переломные моменты истории.

Литература

1. Вильде, Н. Вторая / Н. Вильде // Новое время. – 1916. – 18 июня (1 июля). – № 14469. – С. 7 (211).
2. Вильде, Н. Вуаль / Н. Вильде // Новое время. – 1916. – 2 (15) июля. – № 14483. – С. 11 (231).

3. Вильде, Н. Думы / Н. Вильде // Новое время. – 1915. – 28 ноября (11 декабря). – № 14268. – С. 377.
4. Вильде, Н. Письма. Сонет / Н. Вильде // Новое время. – 1916. – 19 марта (1 апреля). – № 14379. – С. 97 (титульная страница).
5. Гемма. «Любовь моя к вам – словно лепет ребенка невнятный...» / Гемма // Новое время. – 1916. – 22 октября (4 ноября). – № 14595. – С. 10 (358).
6. Гемма. Вопрос / Гемма // Новое время. – 1916. – 12 (25) марта. – № 14373. – С. 89.
7. Гемма. Жатва / Гемма // Новое время. – 1916. – 26 (29) июля. – № 14497. – С. 7 (243).
8. Гемма. Песня / Гемма // Новое время. – 1915. – 18 (31) июля. – № 14135. – С. 10.
9. Жуковский, В. Он пишет / В. Жуковский // Новое время. – 1915. – 7 (20 марта). – № 14004. – С. 73.
10. Касаткин-Ростовский, Ф. Встреча / Ф. Касаткин-Ростовский // Новое время. – 1916. – 22 августа (4 сентября). – № 14534. – С. 12.
11. Касаткин-Ростовский, Ф. У камина / Ф. Касаткин-Ростовский // Новое время. – 1915. – 31 октября (13 ноября). – № 13240. – С. 345.
12. Козлов, П. «Летела ласточка красиво...» / П. Козлов // Новое время. – 1916. – 26 марта (8 апреля). – № 14386. – С. 8 (108).
13. Лагонин, Г. Два взора / Г. Лагонин // Новое время. – 1916. – 8 (21) октября. № 14581. – С. 10–11 (342–343).
14. Лагонин, Г. Сходство / Г. Лагонин // Новое время. – 1916. – 10 (23) сентября. – № 14553. – С. 11 (311).
15. Мукосеев, И. Разлука / И. Мукосеев // Пробуждение. – 1915. – 15 мая. – Вып. 10. – С. 343.
16. Опочинин, В. Под светлый праздник (Два письма) / В. Опочинин // Новое время. – 1915. – 21 марта (3 апреля). – № 14018. – С. 14 (98).
17. Опочинин, В. Актрисе / В. Опочинин // Новое время. – 1916. – 12 (25) ноября. – № 14616. – Титульная страница (413).
18. П. А. В. Письмо / А. В. П. // Новое время. – 1915. – 25 апреля (8 мая). – № 14052. – С. 129.
19. Рудич, В. «Мой старый друг! С какой усмешкой злою...» / В. Рудич // Новое время. – 1916. – 9 (22) июля. – № 14490. – С. 8 (236).
20. Санковский, Ал. Перед зарей / Ал. Санковский // Пробуждение. – 1915. – 15 ноября. – № 22. – С. 728.
21. Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. – М.: Русский язык,

1985 – 1988. – Т. 2. – К – О. 1986. – 736 с.

References

1. Vil'de, N. Vtoraya // *Novoe vremya*. – 1916. – 18 iyunya (1 iyulya). – № 14469. – S. 7 (211).
2. Vil'de, N. Vual' // *Novoe vremya*. – 1916. 2 (15) iyulya. – № 14483. – S. 11 (231).
3. Vil'de, N. Dumy // *Novoe vremya*. – 1915. 28 noyabrya (11 dekabrya). – № 14268. – S. 377.
4. Vil'de, N. Pis'ma. Sonet // *Novoe vremya*. – 1916. – 19 marta (1 aprelya). – № 14379. – S. 97 (titul'naya stranica).
5. Gemma. «Lyubov' moya k vam – slovno lepet rebenka nevnynatnyj...» // *Novoe vremya*. – 1916. – 22 oktyabrya (4 noyabrya). – № 14595. – S. 10 (358).
6. Gemma. Vopros // *Novoe vremya*. – 1916. – 12 (25) marta. – № 14373. – S. 89.
7. Gemma. ZHatva // *Novoe vremya*. – 1916. – 26 (29) iyulya. – № 14497. – S. 7 (243).
8. Gemma. Pesnya // *Novoe vremya*. – 1915. – 18 (31) iyulya. – № 14135. – S. 10.
9. Zhukovskij, V. On pishet // *Novoe vremya*. – 1915. – 7 (20 marta). – № 14004. – S. 73.
10. Kasatkin-Rostovskij, F. Vstrecha // *Novoe vremya*. – 1916. – 22 avgusta (4 sentyabrya). – № 14534. – S. 12.
11. Kasatkin-Rostovskij, F. U kamina // *Novoe vremya*. – 1915. – 31 oktyabrya (13 noyabrya). – № 13240. – S. 345.
12. Kozlov, P. «Letela lastochka krasivo...» // *Novoe vremya*. – 1916. – 26 marta (8 aprelya). – № 14386. – S. 8 (108).
13. Lagonin, G. Dva vzora // *Novoe vremya*. – 1916. – 8 (21) oktyabrya. – № 14581. – S. 10–11 (342–343).
14. Lagonin, G. Skhodstvo // *Novoe vremya*. – 1916. – 10 (23) sentyabrya. – № 14553. – S. 11 (311).
15. Mukoseev, I. Razluka // *Probuzhdenie*. – 1915. – 15 maya. – Vyp. 10. – S. 343.
16. Opochinin, V. Pod svetlyj prazdnik (Dva pis'ma) // *Novoe vremya*. – 1915. – 21 marta (3 aprelya). – № 14018. – S. 14 (98).
17. Opochinin, V. Aktrise // *Novoe vremya*. – 1916. – 12 (25) noyabrya. – № 14616. – Titul'naya stranica (413).
18. P. A. V. Pis'mo // *Novoe vremya*. – 1915. – 25 aprelya (8 maya). – № 14052. – S. 129.
19. Rudich, V. «Moj staryj drug! S kakoj usmeshkoj zloyu...»

// Novoe vremya. – 1916. – 9 (22) iyulya. – № 14490. – S. 8 (236).

20. Sankovskij, Al. Pered zarej // Probuzhdenie. – 1915. – 15 noyabrya. – № 22. – S. 728.

21. Slovar' russkogo yazyka: v 4 t. / AN SSSR, in-t rus. yaz.; pod red. A.P. Evgen'evoj. 3-e izd., stereotip. – M.: Russkij yazyk, 1985 – 1988. – T. 2. – K–O. 1986. – 736 s.

THE FIRST WORLD WAR:
LOVE LYRICS IN RUSSIAN POETRY

I. F. Gerasimova

Doctor of philology, Professor, Moscow State Institute of Culture,
Ryazan Branch
(Ryazan, Russia)

Abstract

This article deals with the love lyrics of the World War I period of both well-known authors of that time and the representatives of mass military poetry. Genre variety of works, such as poetic sketches, internal monologue of lyrical character, epistles and so on, is shown in the article. It is noted that when authors use numerous modifications, lyrical dairy is the basis of genre culture of love lyrics of the marked period. It captures both the vicissitudes of the personal relationship of the lyrical character and socio-political, historical realities of the tragic and heroic time as well. It is evidenced by the factual basis of literary works. The particularities of female image implementing - a beloved, a wife, a mother – are pointed out in the article. The author of the article highlights that in the poems of both poets and poetess the female image is psychologically accurate, associated with mythopoetic and literary tradition. The Russian woman is shown in the absolute majority of lyrical poems as a savior, a guardian of a man-warrior. Her faithfulness and devotion can resist to death itself. Though there are some visible differences, the image of beloved/ wife/ mother has common features. It reflects the author's mentality. It is self-valuable and can be considered as an integral part of the image of courage, the image of the Motherland. It is also perceived as an embodied life value associated with peace and happiness, which must be protected even at the cost of life. The archetypes of home (family), woman, love are associated with the image of war/death/chaos, which leads to the conclusion that love in the analyzed works is presented as a sense of defense.

Keywords: lyrical character, archetype, mentality, national character, mental community, mythopoetic reminiscences

Поступила в редакцию 22.04.2019